

- [Вагнер Николай Петрович](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Вагнер Николай Петрович

Чудный мальчик

Н. П. Вагнер

Чудный мальчик

Говорят, что люди прежде не смеялись оттого, что на земле тогда ничего смешного не было. Другие говорят, что сами люди были прежде умнее и понимали, что ни над чем не надо смеяться, потому что сама природа никогда ни над чем не смеется и все в ней, точно так же, как и в человеке, который не больше, как только частица природы, полно глубокого и великого смысла. А кто смеется над чем бы то ни было, тот, значит, не понимает этого смысла и видит только то, что лежит сверху у него перед глазами.

Но вот раз, в одном большом городе, случилась очень странная вещь. В ясный день вдруг, неизвестно откуда, посреди самой большой площади и даже не прямо на ней, а над ней, просто на воздухе, появился хорошенький мальчик, и как только увидели его люди, так все разом, как будто сговорились, захохотали; и нельзя было не захохотать, потому что у мальчика было такое лицо, на которое нельзя было смотреть без смеху, а между тем это лицо было очень хорошенькое. У мальчика были отличные черные глазки, но такие лукавые, так они плутовски бегали из стороны в сторону, что каждого так и подмывало выкинуть какую-нибудь веселую штучку. Рот мальчика улыбался самым предательским образом, на щеках выступали веселые ямки, а маленький носик при этом так нахально подпрыгивал кверху, что решительно все помирали со смеху, и старый, и малый.

Но ведь и смеху приходит точно так же конец, как и горю. Нахохотавшись вдоволь, до слез и до колотья в боках, люди уже было принялись хладнокровно рассматривать чудного мальчика. Но тут он снял с головы шапочку, в виде горшочка, и вдруг прямо из головы у него брызнул фонтан самых блестящих искр. Эти искры полетели вверх, направо, налево, во все стороны. Они падали на деревья, на камни, на ослов, лошадей, коров, свиней, людей - везде. И куда бы ни упала искорка, люди начинали хохотать неистово. Падала искра на гнилой забор - люди смеялись, падала на кривое дерево - смеялись, падала на покачнувшуюся избушку - смеялись, падала на горбатого старичка - смеялись, на хромую старушку -

смеялись, на гнилую воду - смеялись, на грязную дорогу смеялись, летели искры в небо - и над небом люди смеялись. Так что, наконец, ничего не осталось на земле и на небе, над чем бы люди не посмеялись. Все было осмеяно. Но Чудному мальчику этого было мало. Он не только сам бросал во все искры, но научил и людей делать то же. И вот с тех пор люди и ходят и смотрят: не блестит ли где искорка, или нельзя ли в кого-нибудь пустить искру. Ведь это так весело!

И вот в том самом большом городе, где явился Чудный мальчик, у царя была дочь-красавица и такая добрая, что весь народ любил ее и не мог на нее надивиться. Все звали ее: наша добрая, прекрасная царевна Меллина. Пробовал и в нее бросать свои искры Чудный мальчик, но искры не долетали до нее или падали у ее ног и гасли. А все-таки Меллина боялась, и сильно боялась, этих злых искр. Прежде она, бывало, оденется как ни попало, что под руку попадет или что подадут ей. Все, думает, будет хорошо, потому что сама хороша. А тут вдруг начала оглядываться и осматриваться, так что зеркало ее, которое до тех пор стояло одинокое, в пыли, теперь все просияло от радости. Все, что ни надевала она, все оглядывала, не разорвано ли где, нет ли пятнышка, да не будет ли сидеть на ней коробом. Была у царевны Меллины старая толстая кормилица Марфа, которая ее вскормила и вынянчила, и жила эта кормилица далеко от дворца, в самом грязном дрянном квартале, который звали Свинные Закутки. Когда она совсем вынянчила царевну, то царь позвал ее к себе и сказал:

- Ты теперь будешь жить всю остальную свою жизнь и со всеми своими детьми во дворце на покое. Я жалую тебя с моего царского стола и плеча. Дарю тебе лисью шубу, багрянцем крытую, две нитки зерна бурмицкого и три золотые гривны. Живи себе с миром. - Но толстая Марфа поклонилась царю в ноги и говорит:

- Спасибо тебе, царь-государь, за слово ласковое, за жалованье царское; охотой пошла я в твои палаты твою царскую дочь кормить и пестовать, охотой жила я тут восемь лет, охотой пойду я теперь на волю в мою убогую хижину. Можешь ты меня, царь-государь, казнить и миловать, на то есть твоя царская власть и воля. Но коли по моему глупому желанию ты поступить изволишь, то пусти ты меня в мой домишко. В нем умер мой старый батюшка, в нем скончалась моя родная матушка, в нем мы жили любовно и простились навек с моим мужем, что ушел на войну в твое царское войско и убит на сраженьи. И еще прошу у тебя милости, - и снова поклонилась старая Марфа царю земным поклоном. - Не жалуй ты меня твоей царской казной, не дари ты мне шубу, багрянцем крытую, не дари ты меня бурмицким зерном. Жила я в палатах твоих, служила тебе верную

службу, не корыстовалась, вскормила, вспоила я, вынянчила ненаглядную мою звездочку, царевну мою прекрасную, кормила, растила я ее и все думала: созревай, наливайся, мое зернышко, ласточка моя сизокрылая; вырастешь ты, зацветешь алым цветиком; тогда полюбуюсь я на тебя, моя царевна прекрасная, и скажу тебе слово правдивое: живи, царская дочь, любовно и праведно, пусть твое сердце будет полным-полно любовью да кротостью, печалью да жалостью ко всякому горю людскому, горю народному, горю великому. И если то желание мое совершится да сбудется, то не будет для меня выше и краше той великой радости.

Посмотрел царь на мамку-кормилицу, посмотрел из-под седых бровей взглядом милостивым, ласковым и сказал ей:

- Спасибо тебе, слуга верная, усердная, что умела служить от сердца чистого, по правде, по совести. Будь все по твоему желанию, не жалею я тебе подарка царского, а дарю я тебя подарком по сердцу: не царь тебе дарит его, а отец дарит, за свою дочь единородную, на память по нем добрую.

И встал старый царь, снял со своей груди ладонку, в которой был зашит великий секрет - запрет от ночного погрому и разорения, от лютой смерти безвременной, от лихого злодея-ворога.

- Завещал мне эту ладонку мой родитель, покойный царь. Передаю ее тебе, моя верная слуга, носи ее, меня поминаючи, да спасет она тебя от всякой лихой беды!

Упала на колени старая мамка-кормилица, упала и заплакала. Вся душа ее от великого счастья перевернулася. Все сердце ее взыграло, запрыгало, и ничего от радости не могла она вымолвить.

Крепко любила царевна мамку свою и рассталась с нею не без горьких слез. Она часто видалась с ней, и чем больше росла, тем крепче становилась эта любовь; потому что царевна сердцем понимала, что за добрая, чистая душа была у простой ее мамки.

И вдруг эта добрая, любимая и любящая мамка сильно захворала и только просит и молит, как бы повидать ей перед концом ее царевну родимую: "взгляну я, - говорит, - хоть одним глазком, на мою ненаглядную, взгляну в последний раз и умру, ее благословляючи!"

Встрепенулась царевна. Одеваться скорей да бежать к моей родимой старой мамке! Но только что взялась за дверную ручку, как вдруг вспомнила, что теперь уже все стало не то. Что нельзя теперь ей идти, как прежде было, попросту, что осмеют ее теперь, ошикают двадцать раз, прежде чем дойдет она до Свиных Закуток. Бросилась царевна наряжаться, но и тут беда: что ни наденет, все не так: то ей кажется слишком парадно, и

все скажут: "Вон, смотрите, как вырядилась царевна, это она идет к своей умирающей мамке!" То ей кажется, что все на ней и бедно, и гадко, так что все на нее уставятся, как только она выглянет на улицу, и все закричат: "Вон, смотрите, царская дочь какой шлюхой ходит!" Все она у себя перерыла, все перебросала, то наденет, то опять сбросит, вся измучилась, а часы летят себе, не дожидаются, и уже вечер на дворе, темный осенний вечер, и снег с дождем в окна колотит.

- Ах! я несчастная! - плачет царевна, - неужели я не увижу уж тебя, моя добрая, дорогая мама. Нет, нет, я должна тебя видеть и помочь тебе! Все вздор! Будь, что будет - пойду в чем есть; и, накинув шубейку, бросилась она к двери. Но прямо против нее на той стороне улицы мальчишки прыгали по лужам, и как только отворила она дверь, так все они разом завизжали и захохотали, точно увидели самого Чудного мальчика.

Зажала царевна уши, бросилась как угорелая, назад в свой терем.

- Что делать, ах, что делать! - схватилась она обеими руками за головку. А на дворе уже ночь темная, и вьюга так и злится. - Мама, дорогая моя, - стонет царевна, - умрешь ты, не выдав своей дочки! Что же я буду делать, несчастная! - И ломая руки, упала она на перину пуховую, уткнулась головой в подушки и горько, горько зарыдала.

И вдруг слышит она, что кто-то дотронулся до ее плеча. Обернулась царевна и, при свете лампадки, видит она - стоит перед ней маленькая старая старушка. Прыгают у ней глазки, как свечи, косматая голова трясется, а беззубый рот и жует, и шамкает, и улыбается.

- Кто ты? - спрашивает в испуге царевна. А старушка хихикает.

- Ты колдунья? - спрашивает царевна, и в ужасе жметесь к стене, прячется в подушки, и хочется ей кликнуть своих сенных девишек.

- Может быть, колдунья, может быть, вещунья, почем знать, а пришла я, шамкает старуха, - помочь твоему горю, из злой беды выручить. - И царевна встрепенулась, даже страх прошел.

- Ты перенесешь меня, - говорит она, - к моей старой мамке, перенесешь сейчас же на крыльях ветра, на ковре самолете? Ведь это ты можешь сделать? Да!

- Хи-хи-хи! моя красавица, все я могу, только поспешишь - людей насмешишь, видишь ты какая прыткая. - Зачем нам по ночи летать, когда можно днем и пешком дойти. Поживет твоя мамка и до утра, не умрет, до самых полден. А ты лучше скажи, моя ясочка, чем это ты собралась твою мамку от злой болести вылечить, от смерти лютой освободить, али так просто своими ясными глазыньками?

Схватила себя царевна за голову, вся покраснела. Тут только

вспомнила она, что вместо того, чтобы подумать, чем своей мамке помочь, она только и заботилась о том, как бы не посмеялись над ней. Вскочила она, давай собираться к лекарю, какому-нибудь знахарю. А старушонка все хихикает и головой трясет.

- Не надо, моя радость, не надо, моя красавица, чего суетишься, все у меня есть, все, что надо тебе; а к знахарю не ходи, никакой знахарь не поможет. И старуха вытащила из-за пазухи сткляночку. Вот для твоей мамки зелье лекарственное, снадобье целительное, выпьет она его, вся болезнь ее пройдет.

- Дай, дай! - говорит царевна и протягивает руки, а старуха хихикает и не дает стклянки.

- погоди, красавица, царевна прекрасная, не все вдруг.

- Дай, - просит царевна, - я тебе все отдам, все, чего хочешь.

- Ничего мне не надо, все у меня есть. На тебе сткляницу, - сказала старуха и отдала царевне лекарство. - Только вот что, моя радость, душа ты моя прекрасная, лекарство это не простое, а волшебное, волшебное заговоренное, надо его давать умеючи, относить с почетом, да с оглядкой. Пойди ты с ним завтра утром, как только на башне сторожевой пробьет царский колокол, пойдешь, на восток поклонись, и носи ты его бережно, к сердечку своему прижимаючи. Слышишь ли, моя красавица?

- Слышу, - говорит царевна.

- Ну, и пойдешь ты, приоденешься, не в простое платье, а в заморское, - а я тебе и платьице принесла. И без этого платьица лучше и не ходи. Никакое лекарство не поможет.

И старуха вынула из-под мышки узелок, развязала его.

- Вот тебе, моя красавица, перво-наперво шапочка; шапочка парадная, нарядная. - И старуха вытащила большой красный колпак, весь он был испачканный, весь обшит бубенчиками, а на самой макушке был пришит целый пук кудели нечесаной. Всплеснула ручками царевна и побледнела, говорит:

- Как, я должна идти в этом колпаке!?

- Должна, моя радость, должна, свет мой писанный, так уж по обычаю следует. А вот тебе к нему и душегреечка.

И старуха опять вытащила из узла коротенький, нагольный полушубочек, издерганный, засаленный, вывороченный шерстью кверху, и весь полушубочек был обшит волчьими хвостами.

- Вот тебе, мое сокровище; надень, прирядись, моя радостная, будешь красавица писанная, рисованная; наденешь, пойдешь, все на тебя люди будут дивиться да ахать. Покраснела царевна, ножкой топнула:

- Как, - говорит, - ты смеешь мне, царской дочери, такой наряд шутовской предлагать!

- У! у! моя красавица! Не сердись, моя родная. Хочешь - надевай, хочешь нет, твоя воля: наденешь - мамку свою спасешь, не наденешь - свою царскую спесь спасешь; что дороже тебе, то и выбирай; а я тебе ничего не предлагаю, я говорю тебе, что надо сделать.

Стоит царевна, закусив губку, то ее в жар, то в озноб бросает. И стыдно ей, и гадко, и жалко мамки любимой, и себя жалко, и если б могла она убить старуху, непременно убила бы ее; а старуха все хихикает.

- Не забудь только, моя красавица, - и старуха нагнулась ей к уху - завтра утром будет великий смотр: соберутся тебя смотреть, сватать женихи со всех земель, из заморских стран. Приедет также и твой возлюбленный царевич Алексей. Вот тебе и все, моя радость белая! А теперь, прощай, меня не забывай и лихом не поминай! - И старуха вдруг исчезла, пропала, как будто и вовсе ее не бывало.

Стоит царевна ни жива, ни мертва, белые ручки ломает, из глаз слезы катятся, ротик открыт, зубы стиснуты. - И чувствует она чутким сердцем, что ей надо идти. Нельзя ей бросить свою мамку, нельзя ее добрую, честную, отдать смерти неминуемой. Нельзя! И вспоминает она, как всегда была эта мамка до нее добра да ласкова, как не спала она с ней по целым ночам. Как, раз, ходила она в метель и вьюгу за двадцать верст, только за тем, что царевне захотелось посмотреть, каким цветом волчье лыко цветет. - "Пойду я к тебе, моя добрая мамка, пойду я в шутовском наряде". - Но как подошла она к этому наряду, как посмотрела на него да вспомнила, что путь ей до Свиных Закуток лежит, задрожало ее сердце, замерло, все туманом в глазах у нее подернуло, белее полотна белого, словно мертвая, она как сноп на постелю повалилася. Долго лежала она, себя не помня и ничего не чувствуя, и наконец очнулася, кругом осмотрелась. "Где я, что со мной?" - думает.

На столе перед ней стеклянка стоит, на скамье перед ней дурацкий наряд разостлан лежит, а в окно чуть-чуть светит, белый день занимается. Встала царевна, словно охмелела от хмельного вина, подошла она шатаючись к окну, подошла, села у него, на сердце у нее словно тяжелый камень лежит, в голове у нее словно холодный свинец налит. А над окном уже проснулася, нос очищает любимая птица царевны - на шестке сидит ловчий Сокол, серебряными путцами прикованный, сидит, на все гордо озирается. Проходит целый час. Смотрит царевна в окно и не видит ничего, и ничего не думает. Чувствует только, как сдавило ей всю ее грудь белую, в голове, словно колесо, вертится и прыгает. Прошел еще час, показалось

солнце красное, а царевна все сидит, как во сне каком. Заскрипела дверь, вошла в терем небольшая собака, старая престарая, Вовком звали эту собаку простую, дворовую, и царевна каждый день кормила, поила ее. Не мог уж он, Вовок, лаять от старости, а только хрипел и тьявкал. И это тьявканье понимала царевна Меллина: в нем она слова человечьи слышала. Вошел Вовок, визжит, к царевне ласкается:

- Что, - говорит, - царевна, ты рано поднялась, о чем задумалась, задумавшись, пригорюнилась?

- Как не горевать мне, Вовок, когда горе мне большое приключилось. - И рассказывает царевна Вовку свою беду тяжелую.

- Что ж, - говорит Вовок, - ты поди! Это ничего, что над тобой будут смеяться. Теперь над всеми смеются, а когда все над всеми смеются, тогда никому ни завидно, ни обидно. Я тебе про себя расскажу. Я стар, сед и кудлат. Шерсть на мне торчит вихрами, хвост и уши мои давно обрублены. Все надо мной смеются, кроме тебя, моя царевна добрая. Но никого я не виню, ни на кого не жалуясь. Чем же виноваты люди, что я такой смешной уродился? Пусть смеются! Веселый смех лучше горького горя. Они смеются, а мне весело, значит, я не даром на свете живу.

Слушает царевна, слушает, думает, и как будто ей легче становится от простых слов доброго Вовка.

- Слушай, царевна, - сказал вдруг ловчий Сокол, - был я вольной птицей, летал по поднебесью, плавал я, купался в чистом воздухе, носился гордо, стрелой летал над лугами зелеными, над лесами высокими. Изловили меня злые люди; изловили, связали, насмеялись над вольной птицей. Надели они на меня шутовский наряд, шапку с перьями, приковали меня крепко-накрепко цепью серебряной. Что мне за дело, что эта цепь серебряная! Неволи не выкупишь ни золотом, ни серебром. Пусть надо мной, вольной птицей, издеваются, потешаются, я знаю, что я лучше их, не унижат они во мне честь соколиную, честь благородную, и в злой неволе все я буду птица вольная, честная, - и злая издевка не запятнает моего сердца чистого, сердца гордого, соколиного...

Обернулась царевна к Соколу, слушает его, не верит ушам. Вся она вострепелась, вскочила, подошла к Соколу, отомкнула его путы серебряные, взяла его на белую руку. Крепко за белую ручку острыми когтями ухватился Сокол. Распахнула царевна окно косяцато.

- Лети, мой Сокол, лети, мой хороший, на все четыре стороны, и спасибо тебе, что на прощанье ты меня уму-разуму выучил! - Вспорхнул Сокол, полетел с громким криком на все четыре стороны, себя от радости не помнючи. А царевна вся словно переродилась. Свалился у ней камень с

белой груди. Все для ней светло и радостно.

- Я иду к тебе, - думает, - мамка моя добрая, пусть надо мной смеются, издеваются. Я теперь птица вольная, есть во мне сердце чистое, чистое, свободное, соколиное. Никто его не вынет, никто не коснется его. Выше оно всех насмешек, издевок людских.

И царевна подошла к шутовскому наряду, подошла, усмехнулась и, сбросив с себя царское платье, стала тот наряд примерять, на себя надевать.

Нарядилась царевна, посмотрела в зеркало, все на себе обдернула, оправила. В сердце у ней яркий день горит, от радостного чувства грудь колыхается, на глазах светлые слезки блестят, словно ясные звездочки. Взяла она стекляницу в руки, взяла, к сердцу своему прижала ее. Потом легкой, твердой поступью пошла она из своей светлицы-терема. И как только взялася она за ручку дверную, пробил-прогудел с башни колокол, созывая на работу весь рабочий народ.

Вышла царевна на улицу. Кто только шел по улице, - увидав ее, останавливался: что за шутиха такая идет? Все на нее уставились. Мальчишки, как только ее завидели, так все от радости даже перевернулись. Ведь известно, что мальчишек пряниками не корми, дай только посмотреть какую-нибудь диковинку. И вот все они побежали за царевной, бегут толпой-гурьбой, впереди, позади, визжат, укают, а кто посмелей, тот и комком грязи в нее запустит или камешком: ведь и это очень весело. А царевна идет, усмехается; все светло в ней и радостно. Не слышит она ни гаму, ни хохоту, не видит она ни мальчишек, ни народу, что идет за ней, не слышит она земли под собой. Несет она к своей дорогой мамке с лекарством стекляницу, крепко к сердцу ее прижимаючи.

Надивился, нахохотался над царевной народ, мало-помалу каждый оставил ее, а она идет, все идет своим путем-дорогою, дошла до Свиных Закуток и чуть не бегом к избушке своей бедной мамки бросилась. Вбежала она в избушку, видит, лежит ее мамка без памяти. В три ручья у царевны слезы брызнули. Бросилась она к постели, приставила к губам мамки стекляницу, и выпила мамка все зелье целебное, выпила, вздохнула глубоко, вздохнувши, опомнилась. Встала с постели, оглядела царевну, признала ее, к ней кинулась. Целует она ее, целует руки ее, глядит на нее, не насмотрится, только слезы застилают ее глаза старые, мешают смотреть.

- Дорогая моя, - говорит, - родная, ненаглядная, не чаяла, не гадала больше я видеть тебя, все мое сердце встосковалось по тебе, моя звездочка радостная. - И теперь только мамка разглядела-увидела, во что царевна наряжена. Всплеснула она руками, удивилась. Стала царевна ей все рассказывать, рассказала царевна, а мамка пригорюнилась.

- Вскормила-вспоила я тебя, - говорит она, - дитя мое милое, забыла я тебе одно указать: не бойся ты, не страшись ни хулы, ни людского говору, не бойся насмешки-издевки злой, а бойся ты своей совести, своего судьи сердечного, неподкупного!

А царевна свою милую мамку и слушает, и не слушает, все у ней в сердце от радости прыгает; словно на волнах великого счастья всю качает ее, убаюкивает, словно десять лет с белых плеч у нее свалилось, и стала она ребенком маленьким, так ей смеяться, играть и прыгать хочется. - Посидела она у мамки, с нею простилася, за ворота ее мамка вывела. А у ворот толпой стоит народ, втихомолку гудит-шушукает. Как только царевна из ворот показалася, все сняли шапки, упали ниц, до земли поклонились. - Узнал народ, зачем пришла царевна к мамке своей больной, немощной, узнал, зачем она в шутовской наряд нарядилася: ведь от народа ничего не скроется; вспомнил народ все добро, что царевна ему делала, и ему жаль и досадно стало на себя.

А царевна пошла назад своим путем-дорогою, и вся толпа за ней без шапок молча идет. Не успела царевна и полдороги пройти, как летят, скачут вершники-приспешники, в золотые трубы трубят. Едет сам царь в колыхаге с царицею. Поравнялись они с царевной, колыхага остановилася. Вышел из нее царь, навстречу царевне идет, к ней дрожащие руки протягивает.

- Спасибо тебе, - говорит, - моя родная дочь, что ты не забыла долгу-совести, что ты свою старую, добрую мамку в смертной беде не оставила. А вот тебе, дорогая моя, и жених, коли тебе он люб и по сердцу: просит он руки твоей, тебя сватает. Коли любишь, скажи, а не любишь, откажи ему.

Оглянулася царевна, и теперь только заметила, что стоит в стороне королевич Алексей, стоит, глаза в землю опустил и ждет ответа, словно вести о жизни и смерти своей. Вспыхнула царевна, вся зарделася, ничего не сказала она, только протянула ручку свою к Алексею королевичу.

Схватил эту ручку Алексей, крепко поцеловал ее, себя от радости не помнючи, потом взглянул на царевну, и глаза их встретились, и показалось царевне, что в этих глазах тихим светом светится все, что есть на свете дорогого и радостного.

А царь их за руки берет, к колыхаге ведет; садятся они в колыхагу и едут в обратный путь. А народ гудит-ревет:

- Да здравствует, - кричит он, - наша добрая царевна на многие лета, да здравствует ее суженый, королевич Алексей!

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)